

Русская мысль. - Париж. - 1995. -

«Первому человеку среди ныне живущих...»

20-26 июля - с.16.

Письмо Николая Жигалева Эдварду Григу

«Жигалев Николай Сергеевич (6/18/X 1881, Курск — 28.I.1938) — русский советский композитор, музыкальный теоретик, критик и текстолог. С 1926 преподаватель, затем профессор Московской консерватории. Друг и учитель М.Тухачевского. Автор фортепианных пьес, романсов. У Жигалева учились А.Станчинский, Ан.Александров, С.Фейнберг, Л.Книппер, Е.Голубев, В.Юровский и др. В 1937 был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно».

Приведенный текст — глава из «Энциклопедического музыкального словаря» — точнее, из его второго издания («исправленного и дополненного»), выпущенного издательством «Советская энциклопедия» в 1966 году. В самой же «Большой советской энциклопедии», как и в «Советском энциклопедическом словаре», Николай Жигалев не удостоился даже маленькой главки. Энциклопедической статьи не удостоен выдающийся русский музыкант — одаренный композитор, учившийся у Танеева; выдающийся теоретик, в чьих исследованиях широта исторических обобщений сочетается с точностью эстетических ха-

рактеристик, а главное, с приоритетностью самого содержания (так жигалевское эссе «Эдвард Григ» явилось первой в российском музыковедении глубокой развернутой характеристикой творчества гения норвежской музыки).

...Созданное в 1993 году в Москве Общество Эдварда Грига назвало имена своих первых почетных членов. Ими стали исследователи творчества композитора — Финн Бенestad, Даг Шельдеруп-Эббе (Норвегия) и Ольга Левашева (Россия).

Публикация приводимого ниже письма Николая Жигалева Эдварду Григу также всецело связана с инициативой Ольги Левашевой. В июне минувшего года, перед поездкой в Берген, где мне предстояло выступить с

докладом на симпозиуме Эдварда Грига, я позвонил Ольге Евгеньевне. Она попросила справиться о наличии в григовском архиве Бергенской библиотеки писем Николая Сергеевича Жигалева.

За время работы симпозиума мне лишь дважды удалось побывать в библиотеке. В первый раз мне ответили, что Жигалев в списке корреспондентов Грига не значится. Во второй раз я зашел в библиотеку вместе с Финном Бенестадом и Николаем Мохым. Они предположили, что написание фамилии Жигалев может быть вариантным (кстати говоря, в английском языке, к примеру, вариант и написание фамилии Чайковский). И буквально на наших глазах единственное хранящееся в архиве письмо Жигалева

Жигалева в своем рабочем домике в фюрорде (помните, именно там). Н.С.Жигалев подарил Григу привезенные с собой прелюдии Скрябина ор.11, и Григ, открыв первую страницу с непривычной фактурой прелюдии «C-dur», сказал: «Das verstehe ich nicht». («Этого я не понимаю»). Впрочем, поиграв, затем он, кажется, отказался от своих слов».

Жигалев побывал в Норвегии летом 1904 года. А менее чем через год он писал Григу из Москвы:

«Первый Человек среди ныне живущих, гениальный композитор!

Осмеливаюсь принести Вам в дар, в память о моей поездке к Вам в Норвегию, клавиры оперы «Руслан и Людмила» Глинки. К сожалению, у нас до сих пор нет хороших клавиров обеих опер Глинки («Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила»). Этот клавиры не очень хорош и не точен, содержит множество опечаток; те, которые я заметил, я исправил. Хороший клавиры будет у нас через два года (в 1907 г. — к 50-летию со дня смерти Глинки).

Я бы очень хотел получить от Вас несколько строк, чтобы узнать, какое впечатление произвело на Вас это сочинение.

Есть у меня к Вам еще одна большая просьба: я бы очень хотел исполнить как фортепианную пьесу Вашу песню «Весенний дождь» (ор.49 №6), но так как фортепианное сопровождение требует изменений, то не решаюсь это сделать сам. Вы осчастливьте меня, прислав мне Ваше собственное переложение этой песни (в манере Ваших фортепианных транскрипций песен ор.41 и ор.52), — если это не слишком Вас затруднит и если найдете время.

Осмеливаюсь также послать Вам мой первыйopus.

Из Москвы Вам передают тысячи, миллионы приветов.

С глубоким уважением и преданностью

Ваш НИКОЛАЙ ЖИГАЛЕВ.
Москва, 11(24).III.1905

Мой адрес (по-французски):
Russie, Moscou, Conservatoire, à
Mr Nicolas Gilaleff (Россия, Москва,
Консерватория, г-ну Николаю Жигалеву).

P.S. У нас теперь революция!!!»

Ответил ли Григ своему молодому российскому почитателю? Зная григовскую переписку со многими корреспондентами и присущую великому композитору деликатность, трудно представить, что он не поблагодарил за присланные издания.

Поскольку Н.С.Жигалев был репрессирован, Общество Эдварда Грига 8 июля 1993 года обратилось в министерство безопасности России с запросом о его судьбе и судьбе его творческого архива. Вскоре пришел ответ (№10/A-2580 от 2 августа 1993 г.):

«На Ваше письмо от 8 июля 1993 года сообщаем, что Жигалев Николай Сергеевич, 1881 года рождения, уро-

Экземпляр клавиры оперы Глинки «Руслан и Людмила», подаренный Жигалевым Григу.

женец г.Курска, арестован органами НКВД 3 ноября по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, 20 января 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день в г.Москве. Место захоронения неизвестно.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 апреля 1961 года Жигалев Н.С. реабилитирован.

Одновременно информируем, что Центром общественных связей МБ РФ 30 декабря 1992 года Государственному центральному музею музыкальной культуры им. М.И.Глинки были переданы 25 книг, изъятых у Жигалева Н.С. при аресте. Каких-либо материалов личного характера, относящихся к жизни и творческой деятельности Н.С.Жигалева, в Центральном архиве МБ РФ не имеется.

«Каких-либо материалов личного характера»... Стало быть, нет и ответа на письмо Николая Жигалева, столь счастливо обнаруженное в григовском архиве? К сожалению, в отличие от многих творцов музыки и литературы, Григ не делал для себя копий собственных писем личного характера.

Но в вышедшем в 1984 году в Москве издании «Н.С.Жигалев. Литературно-музыкальное наследие» выдающийся исследователь-музыковед Даниил Житомирский, вспоминая об учителе, писал: «Знакомство с Григом было событием в жизни Николая Сергеевича; на протяжении многих лет он вспоминал об этих днях и не без гордости показывал ученикам несколько коротких писем, полученных им от Грига».

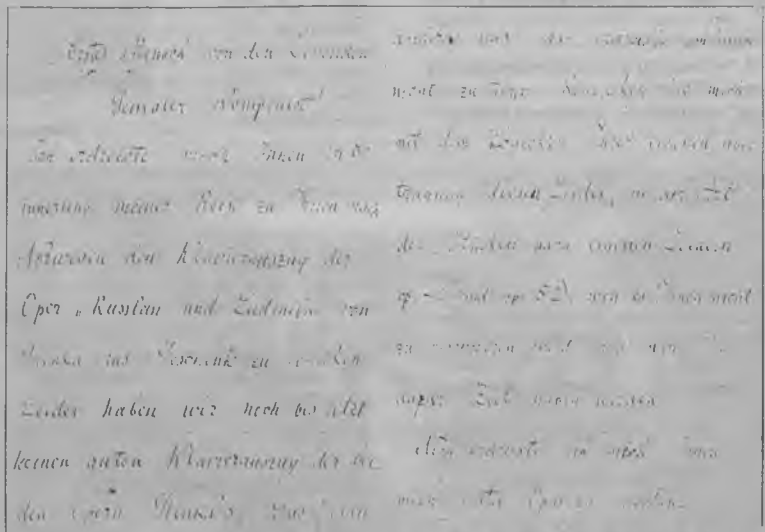
Конкретизировав свой запрос, мы вновь обратились в ведомство, ныне именуемое Федеральную службу контрразведки. И вот второй ответ (№10-A от 1 сентября 1994 г.): «На Ваше письмо от 8 июня 1994 г. в отношении Н.С.Жигалева сообщаем, что каких-либо материалов личного характера... в частности, касающихся композитора Эдварда Грига, в Центральном архиве ФСБ России не имеется».

Что ж — во времена любых инквизиций сжигались, четвертовались, гильотинировались, расстреливались не только люди, но и овеществленная духовность. И можно ли представить себе, что обширная библиотека Жигалева, о которой вспоминает Ан.Александров, состояла всего из 25 книг? Известно также и о практике реализации имущества жертв репрессий, в том числе и ценных изданий. Что же касается рукописей, то если они и «не горят», то способов их уничтожения во все времена было немало...

Сегодня, однако, в нас радость светлого приобщения к эпистолярным строкам, открывшимся российским музыкантам в григовском архиве Бергенской библиотеки. Строкам, в которых звучат рядом имена Глинки и Грига.

ВЛАДИМИР БЛОК

Москва

Оригинал письма Н.Жигалева Э.Григу на немецком языке.

ева было обнаружено. Оказалось, что оно было закаталогизировано по имени Жигалева — Николай.

Письмо Жигалева датировано 11(24) марта 1905 года. Это было судьбоносное время для обеих стран — судьбоносные месяцы, недели, даже дни. Россия, пережившая 9 января, жила ежедневно и ежечасно творимыми бурями. Норвегии до обретения независимости от шведской короны оставалось менее двух месяцев.

Интересный момент: клавиры «Руслана и Людмилы» Глинки, упоминаемый в приводимом ниже письме Жигалева, был включен в экспозицию в Бергенской библиотеке, приуроченную к юбилею Грига. Дарственная же надпись на норвежском языке и ремарки на титуле этого издания не сопровождаются подписью. И после ознакомления с письмом Жигалева норвежские коллеги и мы сразу же смогли убедиться, что перед нами тот самый глинкавский клавиры, о котором идет речь в письме.

Но почему же именно Григу молодой российский музыкант послал тщательно откорректированное им издание «Руслана и Людмилы»?

В опубликованных воспоминаниях «О Н.С.Жигалеве» выдающийся русский композитор Анатолий Александров пишет: «Я знал его с 1906 г., когда он был еще совсем молодым человеком... К Жигалеву направил меня его друг и бывший учитель С.И.Танеев, чтобы я прошел под его руководством курс гармонии... Его кумиром были тогда Э.Григ, К.Дебюсси и А.Скрябин. С первых же дней занятий мы с ним стали проигрывать все, что только можно было достать из сочинений этих композиторов. Почти все, впрочем, имелось в обширной библиотеке самого Николая Сергеевича, постоянно пополнявшейся...»

Автор пишет и о пребывании Жигалева в Норвегии, где он находился на лечении:

«...Н.С. не упустил возможности познакомиться лично с любимым композитором, которого он оценивал и объективно очень высоко, поскольку его своеобразный гармонический стиль очень повлиял на музыку не только скандинавскую, но и мировую (Дебюсси, Рахманинов, Мак-Доуэлл и многие другие европейские и американские композиторы). Григ принял

* Письмо Н.Жигалева Эдварду Григу опубликовано в «Российской музыкальной газете» (№1-2, 1994 г.) в переводе с немецкого О.Левашевой. Вкравшаяся в текст опечатка («У нас теперь революция!!!») оказалась нечаянно пророчеством. Однако молодой музыкант писал только о «текущем моменте».